

ДЕШЬ

ОДНОДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ВАРНАВИНСКОГО УИСПОЛКОМА.

СОВПРОП

7-го сентября 1919 г.

НАШЕ СЛОВО— МЕЧ ДЛЯ ВРАГОВ СОЦИАЛИЗМА.

МЫ ПОБЕДИМ.

На нас враги идут войною,—
Грозит нам адом старый мар,—
Но мы с отвагой боевою
Врагу готовим красный пар.
Мы идем без трепета, боязни,
Конца свободы палачей,
Не избежать грядущей казни,
Рабам чудовищных пачей.

Идем мы в бой подив забрало,
Открыто смотрит светлый взор,
Мы знаем: будем бить немало,
Пока не смолкнет страшный спор.
Мы знаем: мы уже не слабы,
И неотступим никогда;

Долой с пути все злое жабы

Я—рский.

ОТРЯХНИТЕ ПРАХ С ВАШИХ НОГ.

Посвящается интеллигенции.

Два года слышном прошло кипучей революционной жизни. Много за это время совершилось интересного для ума и чувства человеческого. Смена старых устоев социальной экономической и духовной жизни человека дала новые объекты исследования науке и философии и в частности всякому мало-мальски культурному человеку. Надо согласиться, что в истории Русского общества не было еще такого момента, в котором накопилось бы столько материала, требующего упорного и настойчивого коллективного труда мысли, дабы разобраться в нем, систематизировать его. Сколько эмоций, движения, чувств испытано за это время человеком, группой, обществом и всем человечеством в целом, приятных и неприятных. Сколько за время своего быстро несущегося движения революционной жизни было горя и несчастья, радости и восхищения у отдельного человека и коллектива.

Неужели все совершающееся перед нашими глазами умом и сердцем должно пройти и проходит незамечаемым и неразобраным. А что оно проходит так для многих—это факт. Невольно всплывает вопрос: почему это так проходит? Я бы сказала помимо воли и желаний людей, которые вынужденно являются зрителями всех совершающихся событий. Не вызывает ли это новое явление, имеющее место в жизни многих индивидуумов, потребности самоуглубления, пересмотра себя как личности, должествующей сознательно занять в ряду совершающихся событий, дабы установить истинное отношение к ним, встать в надлежащее взаимоотношение с появившимися новыми фактами и факторами в клокочущей жизни. Эти

требования более или менее культурного человека должны незамедлительно быть выполнены. С чего начать эту нужную и неотложную работу? Испытанный рабочий перед тем как пускать машину в ход, пересмотрит ее, узнает все ли ее части исправны и подходящи для предстоящей работы; изношенные и перетертые винты выбрасывает и заменяет новыми. Машинной для обработки всего появившегося нового материала в перестраивающейся жизни, является всякая отдельная личность с его взглядами, понятиями, духовными навыками, которые были вылиты в его личное „Я“. Таким образом исходной точкой подхода к вышеуказанной неотложной работе, является пересмотр своего личного „Я“. Только быстрый пересмотр всех частей „машинны“, даст ответ, почему человек вопреки своему желанию и воле поставлен в положение постороннего зрителя ко всему совершающемуся; почему его „Я“ бессильно пронырнуть в тайники новых небывалых фактов и явлений, вокруг его совершающихся.

В новой жизни должны быть и новые начала. Все навыки, мысли, теоретические законы, системы должны быть пересмотрены и „истертое“ сдано в архив, ибо они пригодны были лишь к старым объектам исследования. Должна неизбежно совершиться революция в застое личного „Я“, ибо только революционизированное мышление способно будет понимать новые явления и факты революции. До тех пор, пока этого не совершится по воле человека с застоявшимися личным „Я“ не выйдет он, из мучительного детаргического оценивания, вызванного новыми явлениями в жизни.

В. Лебедев.

ИНСТРУКЦИЯ ДНЯ „СОВПРОП“

(Предлагается к руководству на местах).

День Советской Пропанды должен проходить на местах примерно так:

По возможности в каждой деревне с 2-х часов дня устраивается концерт чигини следующего содержания:

1. Речи на тему: какая разница между властью трудящихся и властью буржуазии.

2. Хор, революционные песни.

3. Декламация стихотворений пролетарских поэтов: Демьяна Бедного, Князева, Гостева и др.

4. Чтение политических брошюр о значении социальной революции (чтение по возможности продолжается недолго).

5. Представитель волост. ячейки коммунистов докладывает о борьбе партии большевиков за Советскую власть.

6. Представитель Народообраза—о значении Советской власти для культурного развития народа, о новой трудовой школе.

7. Представитель Исполкома докладывает о значении Советской власти вообще для трудящихся масс.

8. Представитель Волвоенкома докладывает о значении красной армии в борьбе за Советскую власть, о необходимости борьбы с дезертирством и дружного натиска на врагов Советской Республики.

Оперативная сводка последних дней.

Для организаций настоящего дня на местах Узкие организации предписывают волостным немедленно войти в контакт с ячейками коммунистов, членами Отдела Народн. Образования и учительству, членам волисполкомов и волвоенкомов.

Председ. Компар А. Шишкин.
За пред. Исполк. Никифоровский.
Военный Комиссар И. Шишкин.
Завед. Народообраз. Пуртов.

ВНИМАНИЮ ВСЕХ.

Первая картинная выставка в г. Варнавине.

Любовь к красивому в той или иной степени живет в каждом человеке. С умственным развитием чувство красивого развивается, но нельзя сказать, что любовь к красивому пропорциональна общему развитию. Чувство красоты заложено в народе, еще не получившем почти никаких научных знаний. Но можно утверждать, что любовь к красивому повышает нравственный облик человека.

Для заинтересования широких масс одним из видов искусства—живописью в г. Варнавине 7 сентября будет организована картинная выставка, где будут подлинники и репродукции картин русских и иностранных художников. Особное внимание будет обращено на картины местных художников и в самой большей степени художников самоучек.

Поэтому просьба к учреж-

дениям и лицам, имеющим картины, нести их во внешкольный подьотдел, который ручается за их целостность и по окончании выставки возвратит.

К местным художникам особая просьба принести или прислать свои картины на выставку, не стесняясь.

Во всяком искусстве есть красота, во всяком искании красоты есть искание истины, так истина есть красота. На картины местных художников будут назначены премии. Премии будут распределяться комиссией, в состав которой войдут представители отдела народного образования, агитпросвета, партии коммунистов и представителя от публики, который будет выбран перед началом спектакля 6-го или 7-го сентября.

Размер премий от 200 до 700 рублей.

Комиссия по организации праздника 7-го сентября.

Жюри местного литературного творчества.

7-го сентября на литературно-музыкальном вечере будет устроено жюри местного творчества, будут прочтены стихотворения и вообще произведения местными авторами или их товарищами. На лучшие наз-

начены премии от 100 до 400 рублей.

Всех товарищей, слагающих стихотворения, песни, рассказы просим выступать.

Комиссия по организации праздника 7 сентября.

ПРОЙДУТ ЛИШ

ДНИ...

Пройдут лиш дни, затихнут грозы
Белогвардейщины лихой,
На поле битв зардеют розы,
Россию осенит покой.
Единой волей трудовой
Мы все невзгоды отразим
И над свободною стравою

С пятиконечною звездою
Свой стяг победный подрузим.
И жизни новой мы добьемся
Забыв все муки старых ран,
В семью, единою, сольемся,
Мы—пролетария всех стран.
Я—русский.

РЯСОФОРНЫЕ ЛГУНЫ.

Попы и монахи сотни лет твердили темному народу, что „Велика душа властем предрержащим да повинуются, несть бо власти, аще не от бога, сущие же власти от бога учинены суть, темже противляйся власти божию повелению противляется“.

Сотни лет везде и всюду объясняли народу, что русский многомиллионный народ погибнет, „аки червь ползучий, аки глеть“ без бзюшки царя, „помазанника божьего“, кто бы он не был, даже, если такой глупый и ограниченный человек, как последний русский царь Николай II.

Но несмотря на все эти лживые поучения попов и монахов, русский народ не мог более выносить гнета кучки кровожадных помещиков, фабрикантов и попов, затеявших мировую бойню, которая из-за них не может кончиться и до сих пор. Он могучим взмахом в феврале 1917 года сверг царя и его приспешников. Самодержав-

ная царская власть в феврале пала, ее заменила власть буржуазная, вместе с лжесоциалистами—предателями и соглашателями во главе с Керенским.

Попы и монахи с начала немного расторожились, как бы оторопели, выжидая, что им „грядущий день готовит“, но потом, когда увидели, что все остается по старому, переменена лишь вывеска, ярлык, то стали попрежнему молиться за „богохраняемую державу российскую“ и за „временное правительство“, как раньше они молвились за царя „помазанника божьего“.

Восемь месяцев временное буржуазное правительство обманывало русский народ, обещая на словах землю, волю и мир, а на деле безконечную войну „до победоносного конца“. Народ чрез восемь месяцев понял наконец обман лжесоциалистов—предателей, ублаживающих его различными льстивыми обещаниями земли и

воли, а на деле ничего не дающих.

В октябре 1917 года он свергнул и это правительство, восстановил власть рабочих и крестьян. После октябрьского переворота попы и монахи некоторое время молчали, думая опять, что и это есть только перемена вывески и опять будет можно приспособиться, но советская власть, к их несчастию, оказалась последовательнее социал-предателей: она стала немедленно претворять слова в дело, т. е. у фабрикантов были взяты фабрики и заводы, у помещиков, попов и монахов земли и прочее имущество и все эти богатства объявлены общественными,—государственной собственностью.

Осталось только приступить к устройству общественной жизни на справедливых человеческих началах, но фабриканты, помещики, попы и монахи, конечно, не хотели помириться с таким порядком вещей, не захотели без боя лишиться всех тех миллиардных богатств, которыми они владели сотни лет без всякого труда, проводя время в праздности и веселой роскошной жизни на счет труда темных и забытых нуждой рабочих и крестьян. Они вступили в неравный бой с рабочими и крестьянами и, несомненно, были бы давно побеждены, если бы наши капиталисты не нашли себе союзников в лице капиталистов других стран, что вполне попятно и естественно, так как они борются по пословице „один за всех и все за одного“.

Но печально то, что капиталисты в борьбе нашли себе союзников среди трудовых крестьян. Темный русский народ, под влиянием нужды и экономического кризиса, не мог разобраться кто ему брат, кто враг; он, несчастный, в значительном числе своем, встал на сторону вековых своих классовых врагов, капиталистов, буржуазии и попов. Он, темный, не может понять до сих пор, что причиной всех бед и зол его жизни прежде и теперь являются капиталисты, фабриканты, помещики, попы и монахи—они и только они! Из-за них произошла мировая война, из-за них происходит вот

уже около двух лет гражданская война! Из-за них и только из-за них летит вет уже пять лет священная кровь рабочих и крестьян!

Попы и монахи теперь уже не объясняют темному народу, что власть рабочих и крестьян произошла от бога. (Замечу кстати, что советская власть в божеском происхождении, или другом подобном обмане не нуждается). Напротив, попы и монахи, учитывая темноту народа, шныряют, как гады, объясняя происхождение этой власти уже от противоположного начала, от антихриста, добавляя, что вера христианская погибает, якобы, от антихристовой войска, большевиков-коммунистов.

Конечно, этому может поварить только темный человек, неспособный совсем рассуждать. Они говорили о гибели веры православной народу только тогда, когда их советская власть ударила больно по карману. Напротив, советская власть провозгласила полную свободу совести и веры, т. е. каждый гражданин имеет полное право свободно принадлежать к той или иной религии, или совсем ни к какой не принадлежать, строить какие угодно храмы и молитвенные дома и молиться какому угодно богу. Значит дело не в гибели веры, не в гонении на веру, а исключительно в том, что попы теперь лишались жалованья, земель и прочих благ, за которые они служили прежней власти, обманывая темный народ.

Если народ будет учиться, то он скоро поймет и то, что все попы и монахи существуют на свете для того, чтобы дурачить и обманывать темный народ ради своей пользы и пользы богатей.

Они придумали злого бога для того, чтобы запугивать простой народ адом и тем слепо

заставить его подчиняться власти богатей. Твердили ему, что здесь на земле народ должен трудиться, молиться и постаться, обещая награду на небесах, а сами поживают в сытости и довольствии. Для сугубого пополнения своих восточных карманов придумали „нетленные чудотворные мощи“. Теперь эти мощи десятками на Руси вскрываются в присутствии всегда тысячной толпы народа и оказывается в золотых и серебряных гробах находят груды разнородных костей, воск, волосы и различные тряпки; слезоточивые иконы богородицы, осызывается, плачут потому только, что сзади приделываются сосуды с жидкостью, которая и каплет из глаз иконы и проч. обмен вековой.

Все это ты многострадальный русский народ, поймешь тогда, когда будешь стремиться к истинному свету знания, когда не будешь упрямо стоять на одном месте, пребывая в вековом невежестве, говоря, что так жили наши отцы и деды и нам заповедали. Если ты многострадальный, и впрямь не будешь стремиться к истинному просвещению, то будешь еще многие сотни лет влечь свое жалкое брешнее существование в нищете, темноте и невежестве. Тебя и впрямь всегда будут обманывать, кому—только не лени, жить на счет твоего тяжелого труда, безобразно издеваться над тобой, называя, те бараном, которого стригут и он обростает, то рабочим скотом, то пушечным мясом и т. п.

И так вперед к истинному свету знания! Долой все преграды на пути! Тогда ты все трудности жизни, могучий, и великий народ, победишь!

А. П.

ЛОГИКА РЕЛИГИЙ.

С темнотою страх свивался,
Хитро-глупостью спивался,
Долгим временем скреплялся,—

Бич хороший выходил;
А потом—потом людей он
по мозгам все прямо бил.

Ф. Д.

ЗВЕРЬ РАНЕН.

(Из пьесы „НОВЫЙ ДОМ“, Фомы Деревенского).

Посреди избы на скамье сидит Андрей, плетет из мутьев корзинку,—рука у него уже без повязки,—он ведет беседу с присутствующими в комнате Цыбегеей, Анной и Машей. Маша сидит у окна с раскрытой книжкой, прижатой страницами к груди. Пелагея недалеко от Маши, ближе к столу. Анна помещается у входа на скамье.

АНДРЕЙ. Вот, ты, матушка, печалишься о том, что я кресты на лоб не кладу, свечей не ставлю, да в церковь испорченным воздухом дышать не хожу. А почему ты не бываешь недовольна, если я Матрене—солдатке не помогаю поле запахать, или дрова из лесу вывезти? Я знаю, ты по несколько раз в день стоишь вот перед углом и шепчешь: „Иисусе Христосе, Ангелы, Архангелы. Дух святой“,—а знаешь ли ты чему учил этот Иисус? Понимаешь ли, что такое „дух святой“? Нет. Ты об этом ничего не знаешь. Тебе в детстве приказали верить тому, что говорит поп, а последний во все время твоей жизни с амвона заклинал тебя не верить ни чему, кроме того, что ты узнала в детстве; и так духовное развитие твое остается младенческим. Однако я скажу тебе чему учил Иисус, которого ты называешь богом; он говорил, что служение богу заключается в помощи человека человеку,—о чем ты никогда не заботишься сама и не горюешь, когда не забочусь я. Чем же после этого являются все шептания о Иисусе, ангелах и архангелах, все кресты свечи и поклоны, что они общего имеют с ученьем бога твоего Иисуса? Эх, мать! Я знаю, что из слов моих принять ты ни чего не можешь, как не может вода вместить в себя масло, но я стараюсь не об этом, я прошу только—не заботься о „грехах“ моих, потому что эта забота—покушение на убийство, со словами: Я жалею тебя, люблю, а потому ты должен издохнуть.

ПЕЛАГЕЯ. Андрюшенька!—Что же делать, коль я уже такая есть. Ведь, я все думаю, чтоб для лучшего, чтобы бог не прогневался на тебя.

АННА. И действительно, Андрей Савельич, матушка жалеет тебя, все хочет, чтобы тебе жилось хорошо.

АНДРЕЙ (раздраженно). Вот, сколько к вам прививается всякое слово о истине! Понимают бога, как барина, а человека, как лакея его, или „дворового“,—коль угодишь, мол, барину, так и поживешь получше. Ну и братия же вы моя любезная!—Много надо с вами горшков перебить, чтобы кашу сварить.

МАША. А ты не сердись Андрюша,—Герасим Петрович, вон, никогда не сердится, когда с народом говорит,—что с таких взять.

АННА. Конечно. Вы, Андрей Савельич, так понимаете, а мы так, что уж делать становимся.

АНДРЕЙ. Да, ведь, надо же правду-то знать, или нет? Ведь, если-бы действительно существовал тот премудрый и всемогущий дух, которому религия приписывает сотворение мира, и если бы он наказывал людей неугодных ему, как утверждаете вы, так он должен бы вас всех громом перебить за дела и мысли, позорящие его; ведь, что может быть для бога оскорбительнее того, когда вместо любви к ближнему, которой якобы он учил, люди бьют себе об пол лбы, жгут свечи и произносят заученные слова. Впрочем довольно об этом, а то получается нечто вроде метания бисера перед свиньями.

ПЕЛАГЕЯ. Ну, это, Андрюшенька, как хочешь, а грешно говоришь,—мать свою с братниной женой свиньями называешь...

АНДРЕЙ. Извиняюсь, матушка, свиньями я вас не называю, а беру в пример со слов евангельских, это Иисус говорил: „Не мечите бисера перед свиньями“, то-есть не выкладывайте истин перед глупцами и невеждами, а то они вас за это растерзать могут.

ПЕЛАГЕЯ. И опять сколько нехороших слов: свиньи, глупцы, невежи; а вон, Анна, и оскорчать может.

АННА. Ничего, матушка, я не очень гневлива, стерплю. (Андрей качает головой и горько улыбается).

МАША. Ты, Андрюша, лучше с книжек читай им об этом; матушка, да и Анна тоже, книжкам больше верят. Я им прошлый раз читала, так они не словинушки не промолвили, только сидят да помыриваются. А иногда, книжка их и до слез приведет.

АНДРЕЙ. Старая истина: „Нет пророка в отечестве своем и в доме своем.“ (Пауза. С улицы в окно высовывается Сенька).

СЕНЬКА (к Анне). Мамка, иди домой, татка из-за реки приехал, обедать, говорит, нужно!

АННА (вставая). И-то засиделась,—простите-ка христаряди!

ПЕЛАГЕЯ. Бог простит! (Анна уходит. Пелагея тоже встает из-за стола). И отец наш, чай, тоже скоро воротится,—пойдти и мне обед припасать. (Идет по направлению к кухне. Маша кладет книжку на стол и тоже встает).

МАША. А я, матушка, в огородец за луком пойду,—батюшка наверно „холодного“ есть запросит.

ПЕЛАГЕЯ. И верно, пойдти!
(Обе уходят; Пелагея в кухню, Маша в выходную дверь. Вскоре входит Савельич; выражение лица его сосредоточенное и недовольное, он вешает шапку у входа и проходит в кухню. Андрей смотрит на отца).

АНДРЕЙ (когда Савельич скрывается за дверью). Туча—тучей,—наверно чтонибудь опять с мужиками неполадил. (Входит Маша с зеленым луком, прохочит также прямо в кухню. Вскоре в кухню дверь высовывается Пелагея).

ПЕЛАГЕЯ. Андрюшенька, иди обедать!

АНДРЕЙ. Спасибо, иду. (Оставляет плетенье и уходит. Сцена остается пустой. Вскоре из кухни доносятся окрики Савельича: Не

Крестьянин и Рабочий! Ты жалуешься на Советскую власть за то, что она не обеспечивает тебя всегда достаточной нормой хлеба, и в то же время ты жалуешься на то, что у нас продолжается война с белыми бандами; будь хотя на $\frac{1}{16}$ точен и сделай вывод—отчего война с белыми и ты узнаешь отчего ты голоден.—

Разбей белых—ты будешь сыт.

Разбей белых—кончится война.

Разбей белых—ты завоюешь навсегда свободу.

Не забывают.

Представитель Деникина в Париже генерал Драгомиров окончательно обнаружил лицо нашей контр-революции и показал нам, какие она имеет цели и к чему она стремится.

Вот что черносотенный генерал передал французским журналистам:

— После поражения (?) большевиков для успокоения страны понадобится диктатура на несколько лет, и только потом можно будет созвать дворняжество и духовенство для избрания царя.

Мы знаем, что велел за Деникиным идет свора царских жандармов и исправников.

Но немногие знают, на что способны эти опричники и какими мерами они поддерживали самодержавие.

На эту тему бывший политический каторжанин, старый партийный работник, тов. Борис Фурорян, пробывший в каторжных тюрьмах и в ссылке 12 лет, в клубе Всероссийской Чрезвычайной Комиссии прочитал лекцию, изобилующую фактами уточненных пыток и зверских издевательств.

В тюремном дворе, на глазах товарищей, вешали политических заключенных. Когда в знак протеста товарищи ломали решетки, разбивали стекла, рвали на себе одежду, являлся офицер со взводом солдат и начинал обстреливать тюрьму. В результате несколько десятков убитых.

Утонченной и изощренной отличалась Саратовская каторжная тюрьма, куда отправляли политических на умерщвление; такие бумаги—с предписанием умерщвления—обнаружены в архивах саратовской охраны за подписью знаменитого палача, царского министра Столыпина. (Такой же смертный приговор, подписанный Столыпиным, тов. Фурорян нашел среди бумаг охраны и на своем уме).

Как превозмоздилось умерщвление политических?

По статистическим данным, в Саратовской тюрьме 60 процент всех политических заключенных заболели чахоткой. Прививали болезнь следующим образом: заключенный каждый день малень-

кой тряпкой должен был вытирать стены и асфальтовый пол так, чтобы в нем все отражалось. В борьбе с пылью заключенные и приобрели бактерии опасной болезни.

Но это пустяки.

За неподчинение тюремному режиму политических подвергали телесному наказанию. После такого оскорбления и позора политические колючи самоубийством. Единственно возможным орудием было разбитое оконное стекло, которым перерезывали себе горло.

Бывали случаи, когда после непрекращающихся голодовок царские опричники врываются в камеры заключенных и револьверами и шашками рубили и убивали невинных людей.

Приглашали по одиночке в кабинет надзирателя, ласково садили в кресло, а потом вдруг заключали в невыносимый электрический тот, до потери сознания.

Или руки вставляли в доски, а с противоположной стороны жгли ноги спичкой.

Сажали в кожаный мешок и так затягивали ремнями, что в муках человек терял сознание.

Потом бросали в темный каменный „мешок“, где только через 7 суток раз подавали пищу. (И

только эта периодическая подача пищи давала знать, что прошел промежуток времени 7 суток).

Я не буду перечислять всех издевательских пыток и зверских издевательств, об этом читатели подробнее узнают из печатающейся брошюры тов. Фуроряна, я хотел лишь напомнить всем трупящимся, что несет с собою жандармерия Деникина.

Гарантирован ли кто-либо в царстве Деникина, что он не подвергнется описанным ужасам, что он

не попадет в положение, когда люди считают счастьем разбить стекло или перерезать себе горло?..

Тысяча раз лучше умереть в славном бою, чем оставаться под властью Деникина.

Когда опускаются руки, когда падает дух, вспомните несчастные страдания ваших мучеников за святое рабочее дело.

Я. К.

(РОСТА).

Новый детский „расчет“ при игре.

За последнее время правые эсеры то и дело пишут в газетах покаянные воззвания о их прежних заблуждениях по отношению к власти Советов и диктатуре пролетариата.

Коля считает:

„Тары-бары“ наши बारे,
Три эсера на базаре

Стали каяться в грехах,
Прок нескать в большевиках.

Раехвалиют власть Советов,
Диктатуру без секретов
Трудовых рабочих масс;
Пойди-выйди прочий класс!

Коля, ты прав, но не надо смеяться над взрослыми. Ф. Д.

хочешь делать как родителям угодно, так и уходить можешь!... Дверь в кухню быстро открывается и в ней появляется Андрей).

АНДРЕЙ (повернувшись в дверях лицом в кухню). Поймите, что я не могу лгать ни перед вами, ни перед вашим богом, ни перед самим собою—не могу я поклоняться размадеваным дощечкам! Зачем же вы заставляете меня это делать! (Захлопывает за собою дверь). Ну и публика! (Ходит по комнате. Из кухни выходит Пелагея, лицо у нее заплаканное).

ПЕЛАГЕЯ. Андрюшенька, неужто долго тебе, для отца помолиться перед обедом на иконы?—Ведь, уж рука не надсадилась-бы!

АНДРЕЙ. Мама, милая, поверь, я не могу это делать! Да и какая польза для отца или для тебя, если вы знаете, что я молюсь только для вида; ведь, это же, в конце концов, преступление с вашей стороны.

ПЕЛАГЕЯ. А ты бы перекрестился только раз один, мы-бы и успокоились—и не думалось бы нам.

(Андрей машет рукой и смотрит через окно на улицу. Пелагея качает головой, вытирает фартуком глаза и идет в кухню. Входит Маша).

МАША. Черти, а не люди,—право, ну! (Отрывает шкаф, достает чайник и наливает из него в чашку холодного чая). Аты, Андрюша, обедай один; что сделаешь с такими чудачками,—кол на голове теши и то, ведь, чувствовать не будут. (Пьет налитой в чашку чай. Входит Михайло).

МИХАЙЛО. Батюшка дома?

АНДРЕЙ. (отвертываясь от окна). Да. Нужен сейчас?

МИХАЙЛО. Можно и подождать, только дело-то вот в чем, Андрей: я прошу у батюшка два пуда хлеба, до нови, а он за что-то сердчает на меня и упрямится,—поговори хоть ты с ним.

(Из кухни выходит Савелий. Михайло садится на скамейку у входа).

САВЕЛИЙ (к Маше). Что шкаф-то подперла, аль боишься что упадет?—Сходи-ка накоси в огороде корму для лошади; все только умеете судить да рядить, да родителей в глупости обвинять, а сами за чужой счет жить норовите! (Маша затворяет шкаф и уходит).

АНДРЕЙ. Что это за тон, батюшка, у тебя?—За что расстроены ходишь?

САВЕЛИЙ. Вы съума сводите!—В могилу загоните скоро отца.

АНДРЕЙ. Чем же это?

САВЕЛИЙ (ехидно). Чем же это... Чем же это... Младенцы! Не понимаете!?

АНДРЕЙ. Понимать-то, мы понимаем; только, ведь, что уж и тебе артачиться, батюшка, попустому,—знай, что рано или поздно, а с барышничеством и с политикой своей прогитесь тебе пришлось бы и без нас.

МИХАЙЛО (вставая). Погоди Андрей, дай мне прежде мой вопрос высказать, а-то, чего доброго, расшумитесь и мне опять нысчем придется уйдти.

САВЕЛИЙ (к Михайлу). А ты думаешь „с чем“ уйдешь, если я не расшумлюсь?—Хлеба, все равно, я не дам тебе ни фунта, так и знай!

МИХАЙЛО. А почему?

САВЕЛИЙ (отвечая не сразу). Почему-бы то не было.

МИХАЙЛО. Ведь хлеб же есть лишний?

САВЕЛИЙ. Есть.

МИХАЙЛО. Есть, а не дашь?

САВЕЛИЙ. Не дам.

АНДРЕЙ. Знаешь, что, Михайло,—ты, брат, не растривай себя и перестань просить здесь,—хлеб тебе будет завтра-же.

САВЕЛИЙ (враждебно глядя на Андрея). Аль у тебя много его?

АНДРЕЙ. Нет, у тебя.

САВЕЛИЙ. Разбоем, значит, заняться хочешь?

АНДРЕЙ. Не разбоем, а правильным распределением излишков между нуждающимися.

САВЕЛИЙ (сневно). Так, ты, знаешь,—я тебя сегодня же выгоню из дому, и чтоб твоя нога здесь не была больше ни разу!

АНДРЕЙ. Не кричи отец, криком брать—время прошло. Запугать меня тоже трудно. Помнишь ты кричал на сходе крестьянам, когда комиссаром был, что „я вам покажу, да я вас арестую“, а дело вышло иначе; не захотел перед народом отчет дать и из комиссаров за то уволен,—теперь такой порядок. Так и здесь: сколько ты не кричи и как не пугай, но запомни, а если память плоха на старости лет—запиши где нибудь, что все излишки твоего хлеба будут завтра же распределены по неимущим в деревне. (к Михайлу) И ты, Михайло, свою часть из них, также, получишь. (Отвертывается и ходит от стола к окну. Савелий бледнеет, схватывается за грудь, ноги у него трясутся).

САВЕЛИЙ (с перекошенным от злобы лицом, к Андрею). Б-будь ты пр-роклят! (Медленно и трясясь уходит в кухню, Андрей и Михайло переглядываются и некоторое время находятся как-бы в подавленном состоянии. Продолжительная пауза).

МИХАЙЛО. Знаешь, Андрей, что я спросить тебя хочу: нужно-ли ненавидеть отца за его поступки?

АНДРЕЙ. Ты хочешь спросить виноват-ли отец за то, что он жаден, за то, что он ненавидит новое?

МИХАЙЛО. Да, об этом.

АНДРЕЙ. (рассаживаясь). Я могу говорить только как революционер, как солдат, идущий в бой для того, чтобы победить неприятеля. Революция некоторыми из людей понимается как зло, а революцию признаю как боль и муки за близкую радость и счастье. У нас есть ученье о достижениях лучшей жизни через высшую любовь ко всему существующему, через непротивление злу. Это ученье во все времена давало величайших сподвижников, но больше давало величайших шарлатанов; первых люди всегда жгли на кострах, травили

МУЧЕНИКИ НАУКИ.

Наука имеет своих мучеников, имеет своих „святых“, которые за свои научные убеждения, за ту истину, которую они несли человечеству, готовы были принять и страдания, и жизненные невзгоды и даже смерть.

Человечество должно чтить мучеников куда больше, чем мучеников религии, которые в большинстве случаев занимались чистым личным делом своего „спасения“ притом неведомо отчего, большей частью от продуктов собственного воображения. Имя Ньютона, открывшего закон тяготения или имя Галилея, утвердившего вращение земли—должны быть для человечества несравненно более ценны, чем какой-нибудь Семен Столпник, который неведомо для чего простоял на столбе чуть ли не тридцать лет, от чего никому ни тепло, ни холодно не было.

Каждая научная истина, каждое научное открытие неизменно встречало противодействие и отпор со стороны поборников мрака и суеверия, со стороны церкви, религии, со стороны темной толпы, со стороны людей суеверных и непрощенных. Только немногие ученые избегли этой жестокой участи, особенно в то тяжелое время, когда церковь пугалась и вмешивалась во все науки и во все искусства, ведя ниц и нахвост „несоответствие“ с священным писанием. Как и великие революционеры, жертвовавшие своею жизнью за лучшую будущность человечества, великие светочи науки с радостью и с твердостью несли свое личное счастье, свои удобства и свою жизнь в жертву за то истинное, что открывалось им в свете знания.

Их много—этих мучеников, можно написать о них целые книги. Вспомним Гарвея, открывшего кровообращение, который принужден был работать тайно, скрываться от взоров духовенства, введшего в его занятия „ересь“ и колдовство. Вспомним Галилея,

представшего пред судом инквизиции за утверждение той научной истины, что земля вращается. Вспомним Джордано Бруно, сожженного на костре за свою научную мысль, казненного Лавуазье, Фальтона, изобретателя парохода, умершего в бедности и в всеобщем презрении, Жакара, изобретателя ткацкого станка, чуть не убитого толою за свое изобретение. В глубине истории мы найдем величайшего философа Сократа, осужденного афинским судом за свою проповедь мудрости, в новое время мы найдем отважных, героических поларных путешественников, рискующих своею жизнью за научную истину и знание. Их имена—считаются тысячами и все они должны быть священы для человечества, как светочи, несшие миру истину знания. Их жизнь, их подвиги, должны быть известны всем и каждому, как образец, как пример для подражания. Пролетариат должен научиться их ценить и увековечить тех, кто нес миру не обманное светочи суеверия и заблуждений, а истинный свет знания и науки.

В школах, вместо знакомства с „жизнями святых“ надо давать детям знакомство с жизнью великих мучеников знания и культуры, с биографиями великих революционеров. Пусть на этих примерах вечного стремления к свету и работы для человечества, молодое поколение воспитает и закалит свой характер для будущей государственной работы.

(РОСТА). Агарин.

Почему Новгородский съезд закрыл монастыри?

В газетах промелькнуло сообщение о том, что съезд Советов Новгородской губернии постановил закрыть монастыри.

Новгородские газеты описывают обстановку, в которой проходил съезд.

Огромное влияние на делегатов оказал доклад прибывшего из Москвы представителя Комиссариата Юстиции тов. Шницберга. Ясно и картинно обрисовал докладчик ту паутину суеверий и религиозной лжи, в которой веками находился народ. Кроме того с цифрами в руках и с документальными данными т. Шницберг указал, что существование монастырей, в особенности в прифронтовой полосе, каковой является и Новгородская губерния, весьма опасно для революции, ибо монастыри—очаги контр-революции.

Делегаты, перед глазами которых раскрылся во всей полноте вековой обман духовенства, были ошеломлены

теми данными, которые были представлены докладчиком. Доклад вызвал шумные овации всего съезда.

Предложенная докладчиком резолюция съездом была принята почти единогласно (при одном голосе—против, и 4-х воздержавшихся):

„8-й Новгородский Губернский Съезд Советов постановил: 1) признать основные положения докладчика от народного Комиссариата Юстиции И. А. Шницберга о политике рабоче-крестьянской власти в отношении култов и их служителей правильными и соответствующими моменту борьбы мира поновско-помещичьего и мира коммунистического.

2) Признать, что монастыри являются сеятелями опасных суеверий и очагами контр-революции и представляют несомненную опасность для рабоче-крестьянской революции.

3) Поручить Новгородскому Губисполкому в те-

чение месяца от этого дня все монастырские помещения в пределах Новгородской губернии передать для нужд социального обеспечения стариков, раненых и детей, а монахов, как соловья паразитов, сдать в тыловое ополчение.

4) Просить центральную власть в интересах обеспечения революционного тыла закрыть все монастыри на всей Советской территории в течение самого ближайшего времени.

5) Усилить бдительный надзор за действиями контр-революционного духовно-административного центра“.

Нам все-таки кажется, что если бы новгородские крестьяне не были подготовлены раньше самой жизнью, самим духовенством, то и доклад тов. Шницберга не имел бы такого успеха и подобная резолюция не могла бы быть принята.

Пример новгородских крестьян поможет и другим, начинающим прозревать... (РОСТА).

М.

БОЛЬШЕВИК.

(Отрывок из неоконченной поэмы).

Бабка старая Ненила
Нашу партию бранила,
Разносила так и сяк;
Большевик-де это злак
Как крапива—больно жжется,
С богатеями дерется,
Непочтителен к понам,
Злой захватчик, страшный хам.

Большевик—бельмо для глаза
Всем купцам,—он как зараза
Красным полымем в миру
Лезет в каждую дыру.
Ай, Ненила!—Вот так мило!
Чтоб тебе век счастье было!—
Коль узнала ты резон,
Что такое „Красный Звон“,
Что такое большевик,—
Как он зол и сколь велик.

Ф. Д.

зверям и гноили в тюрьмах, вторые же здравствуют веоду и поныне и лучше других наслаждаются благами жизни. Кроме этих сподвижников—мучеников и наслаждающихся жизнью шарлатанов, это ученье для пользы жизни общественной дать ничего не могло, ибо оно говорит только о душе, забывая о том, что у человека есть еще тело. И вот видя нежизненность первого ученья, люди пришли к выводу, что для улучшения жизни нужно в начале поступать как раз наоборот; нужно не непротивление злу, а искоренение его, и искоренять зло не высшей любовью ко всему живущему, а ненавистью ко всем тем, кто сеет зло и расплождает. Тогда высшая любовь на земле будет защищена и станет не уделом величайших страданий стремящихся к ней людей, а для каждого из них величайшим счастьем и радостью. На этом камне теперь строится новое здание жизни. Отсюда сделай вывод нужно-ли ненавидеть того, кто шарлатан или ненавистник народоправья.

МИХАЙЛО. Ну, ин, так. Жена сегодня последнее испекла, и голодать, когда в соседнем амбаре излишки лежат, я тоже, не намерен. (Выходит Андрей в задумчивости; затем идет к вешалке, надевает фуражку и тоже уходит. Вскоре входит Маша, берет со стола положенную ею раньше книжку, садится опять у окна и читает. Вбегает Сенька, в руке у него сложенная четвертинка бумаг).

СЕНЬКА. Где дядя Андриша?

МАША. А тебе на что?

СЕНЬКА. Нужно.

МАША. Скажи зачем?

СЕНЬКА. Я стихотворение написал и хочу дяде Андрише показать.

МАША. Какое стихотворение?

СЕНЬКА. Настоящее—какие бывают в книжках.

МАША. Значит, ты с книжки списал?

СЕНЬКА. Вот и не списал, а сам написал—сочинил.

МАША. Ну, чай, и сочинил!..

СЕНЬКА. Да, ну, я тебе все равно не покажу.

МАША. А я и не прошу.

СЕНЬКА. (Задорно). А я и не покажу. (Входит Андрей, Сенька быстро к Андрею). Дядя Андриша, прочитай мое стихотворение,—сам написал, ей-богу!

АНДРЕЙ (вешая у входа фуражку). Вот, как! Ай-да, Сенька!—Ты, значит, поэт?

МАША. Он сочинитель киелых щей. (Смеется).

АНДРЕЙ (Подходит к Сеньке). А ну-ка покажи, что у тебя. (Сенька подает Андрею бумажку, находящуюся у него в руке. Маша смотрит и смеется).

АНДРЕЙ (читает):

Жук и Муравей.

Жук летит и жужжит:
Ж-ж-ж!

А муравей себе дом строит
И жуку говорит:
„Что без дела летаешь?
Кого пугаешь?“
А жук отвечает:
„Того, кто на земле трудится
И шуму боится“.

Сочинил Семен Бремнев.

(Полая бумажку Сеньке). Молодец, Сенька! Пиши, брат,—из тебя обязательно социалист выйдет.

МАША. Сенька, дай мне прочесть.

СЕНЬКА. Ага! А говорила: просить не буду!?

(Подходит к Маше и подает бумажку. Андрей садится опять на скамейку и плетет корзинку. Входит Ташка).

ТИШКА (улыбаясь). Всей честной компании!

АНДРЕЙ. Ба! Вот кого сто лет не видал.

ТИШКА. А я двести вокруг вас хожу. (Здоровается за руку с Андреем и с Машей).

СЕНЬКА (берет у Маша бумажку). А я купаться побегу! (К Маше негромко). Пойдем вместе. (Маша отрицательно качает головой. Сенька подпрыгивая убегает).

АНДРЕЙ. Что работаете, Тихон Васильевич?

ТИШКА. Ходил сегодня за реку с мужиками, покос делал.

АНДРЕЙ. Значит, скоро косить будем?

ТИШКА. После завтра, говорят, начинать будут.

АНДРЕЙ. Так!.. Ну, еще что знаете нового?

ТИШКА. Нового-то я ни чего не знаю.

АНДРЕЙ (шутливо). Ну, говорите старое.

ТИШКА. Старое?—Старое можно. (Пауза. Многозначительно взглядывает на Машу. Затем к Андрею ребо). Андрей Савельевич!

АНДРЕЙ (увлекался работой). Я.

ТИШКА. Я хочу вас попросить... Я... Маша тоже... (смущается).

АНДРЕЙ (отрываясь от работы и глядя на Ташку). Говори, говори смелей!—В чем дело?

ТИШКА. Я... люблю Машу... (Андрей смотрит вперед в пространство. Ташка склонив голову и как бы не смея ни на кого взглянуть, стоит подле Андрея. Маша низко-низко наклонив голову над книжкой, сидит в застывшей позе. В это время в раскрытое окно с улицы вдруг доносятся нежные и зовущие звуки скрипки. Все прелушниваются. Музыка заполняет собою душу каждого из присутствующих и как бы перебиваясь с мыслью, выраженной Ташкой, зовет и манит куда-то. Движение уступает место чувству. Скрипка играет минут 8—10).

МАША (распрямив позу и тихо, когда музыка затихает). Это Герасим на крыльце играет.

З а н а в е с .